

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.6>

UDC 902:903(470.6)

LBC 63.48(237)-2

Submitted: 10.11.2025

Accepted: 02.03.2026

THE EARLY URBAN CHARACTER OF THE ALANIAN CULTURE OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 2nd – 4th CENTURIES AD AND THE PROBLEM OF EARLY STATEHOOD ¹

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the 2nd – 4th centuries AD, a significant number of large (0.5 to 1.2 km²) and medium-sized settlements with complex structures and distinct citadels were formed in the foothill and lowland areas of the Central and Northeastern Caucasus. The process of establishing these early urban centers was completed by the second half of the 2nd century AD. These settlements were accompanied by extensive necropolises covering several square kilometers. The growth of material resources led to a sharp increase in the population and its density, as evidenced by the number of archaeological sites in this chronological period. This circumstance led to the migration of cultural bearers both within the region and beyond its borders. The presence of a significant number of large settlements, which can be considered early urban centers (or cities of a special type), indicates the processes of urbanization in this society. The high population density, the presence of a significant number of urban-type monuments, and the wide range of contacts (from trade to military and political), as well as their geographical extent, suggest that this society had a certain structure and organization. Given the cultural characteristics, the population that left the monuments of the early Alanic culture in the central and eastern regions of the North Caucasus can be considered to have been in the state-building phase of social and political development. However, it is too early to directly compare this cultural entity with early states. It is more appropriate to compare it with the analogues of early states according to L.E. Grinin. The conclusions presented in the article are based solely on the analysis of archaeological sources, as there is no information about this cultural phenomenon in written sources.

Key words: North Caucasus, early Alanic culture, 2nd – 4th centuries AD, early urban centers, analogues of early states.

Citation. Malashev V.Yu., 2026. Rannegorodskoy karakter alanskoy kul'tury Severnogo Kavkaza II–IV vv. n.e. i problema ranney gosudarstvennosti [The Early Urban Character of the Alanian Culture of the Northern Caucasus in the 2nd – 4th Centuries AD and the Problem of Early Statehood]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 2, pp. 139–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.6>

УДК 902:903(470.6)

ББК 63.48(237)-2

Дата поступления статьи: 10.11.2025

Дата принятия статьи: 02.03.2026

РАННЕГОРОДСКОЙ ХАРАКТЕР АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА II–IV ВВ. Н.Э. И ПРОБЛЕМА РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ¹

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Во II–IV вв. н.э. на территории предгорно-равнинной части Центрального и Северо-Восточного Кавказа формируется значительное количество крупных (от 0,5 до 1,2 км²) и средних по размерам городищ со сложной структурой и выделенной цитаделью. Процесс образования этих раннегородских центров заканчивается ко второй половине II в. н.э. В комплекс с городищами входят значительные некрополи, достигающие нескольких квадратных километров. Рост материальных ресурсов привел к резкому увеличению численности населения и его плотности, о чем свидетельствует количество археологических памятников

данного хроносреза. Это обстоятельство явилось причиной миграций носителей культуры как внутри региона, так и за его пределы. Наличие значительного количества крупных городищ, которые есть основания считать раннегородскими центрами (или особого типа городами), свидетельствует о процессах урбанизации в данном обществе. Высокая концентрация населения, наличие значительного количества памятников городского типа, широкий спектр (от торговых до военно-политических) и география контактов позволяет предполагать наличие определенной структуры и организации в данном обществе. С учетом культурных особенностей населения, оставившее памятники раннего этапа аланской культуры центральных и восточных районов Северного Кавказа, можно считать находившимся на стадийно государственной фазе развития общественно-политических отношений. При этом напрямую соотносить данное культурное образование с ранними государствами пока преждевременно. Более корректно их сопоставлять с аналогами ранних государств по Л.Е. Гринину. Представленные в статье заключения основаны исключительно на анализе археологических источников, поскольку информация о данном культурном феномене в письменных источниках отсутствует.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура раннего этапа, II–IV вв. н.э., раннегородские центры, аналог ранних государств.

Цитирование. Малашев В. Ю., 2026. Раннегородской характер аланской культуры Северного Кавказа II–IV вв. н.э. и проблема ранней государственности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 2. С. 139–153. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.6>

Насчитывающее более столетия изучение аланских древностей Северного Кавказа лишь в конце прошлого века получило необходимые основания для постановки вопроса, заявленного в названии данной работы. Точкой отсчета здесь явились исследования Северо-Осетинской экспедиции под руководством И.А. Аржанцевой Зильгинского городища, давшие материалы для кардинального пересмотра хронологии всей совокупности земляных городищ центральных и восточных районов региона. Анализ керамического комплекса и корректировка датировки Д.В. Деопиком основных напластований данного памятника с раннего средневековья на II–IV вв. н.э. [Деопик, 1988; Аржанцева, Деопик, 1989] и далее Д.В. Деопиком и В.Ю. Малашевым всей группы земляных городищ позволило изменить оценку не только их хронологии, но сделать принципиально иные выводы о нижней границе аланской культуры Северного Кавказа и, как следствие, сформировать новый взгляд на историю региона во II–IV в. н.э. [Arzhantseva et al., 2000; Малашев, 2007; Габуев, Малашев, 2009, с. 144–164; Малашев, 2014]. Это нашло подтверждение в раскопках некрополей подобных городищ, давших значительные серии (около 1 300) комплексов второй половины II – IV в. н.э.: исследования Бесланского могильника (некрополя Зильгинского городища) [Дзуцев, Малашев, 2014; 2015], некрополя Брутского городища [Габуев, Малашев, 2009], могильников Братские I-е курганы

и Октябрьский I, являющихся частями некрополя Братского I-го городища, и Киевского I могильника (некрополя Киевского городища) [Малашев и др., 2018; 2020; Коробов и др., 2020], некрополя Змейского городища [Малашев и др., 2022], Экажевских I-х курганов (Экажево I) (некрополя городища «Ачим-Боарз») [Воронин, Малашев, 2006; Малашев, 2021a], Алхан-Калинских курганов (могильника Алхан-Калинского городища) [Малашев, Мамаев, 2011] и др. Данный вопрос неоднократно затрагивался в ряде публикаций, поэтому приведу основные его положения с рядом дополнений.

Все представленные в статье заключения основаны исключительно на анализе археологических источников, поскольку информация о данном культурном феномене в письменных источниках отсутствует.

Опираясь на результаты исследований последних трех десятилетий, формирование аланской культуры можно отнести к первой половине II в. н.э.; во второй половине этого столетия мы фиксируем ее полностью сложившейся в отношении как керамического комплекса и структуры поселенческих памятников, так и погребального обряда. В это время на территории предгорно-равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа в сравнительно короткий срок формируется значительное количество крупных (от 0,5 до 1,2 км²) и средних по размерам городищ со сложной структурой и выделенной цитаделью. В этот список

входят (рис. 1): городища Нижнеджулатское, Урваньское, Аргуданское, Старолескенское, Зильгинское (рис. 2), Брутское (рис. 3), Киевское, Змейское, «Ачим-Боарз», Братское 1-е, Алхан-Калинское (рис. 4, 5), Акхин-Барзойское [Успенский и др., 2024] и др., основные напластования которых по керамике и датирующему материалу относятся ко II–IV вв. н.э. Площадь укрепленной части Зильгинского городища составляет около 0,5 км² (рис. 2), а вместе с неукрепленным посадом – более 1 км² [Коробов и др., 2021, с. 155]. Площадь Брутского городища вместе с неукрепленной частью оценивается около 0,5 км² (рис. 3). К наиболее крупным относится и Алхан-Калинское городище, сильно разрушенное меандрирующим руслом р. Сунжа (рис. 4). В настоящее время его площадь, в рамках системы из трех рвов², к которому примыкает курганный некрополь, составляет 0,7 км². Если принять во внимание наличие в 250 м к югу сохранившегося участка памятника (местное название «Бабушкина горка») с культурным слоем, достигающим 4 м [Малашев, Мамаев, 2014], то размеры городища могут оцениваться, примерно, в 0,8 км².

По материалам Зильгинского городища процесс образования этих раннегородских центров завершается ко второй половине II в. н.э. Городища имеют сложные и трудоемкие фортификационные сооружения в виде двух или трех рядов рвов (рис. 5) протяженностью несколько сотен метров каждый и первоначальной глубиной до 12 м, что свидетельствует об уровне социальной организации населения, необходимом для проведения подобных работ. Большая мощность культурного слоя и значительная насыщенность его материалом отражают высокую интенсивность хозяйственной деятельности. Результаты раскопок, в первую очередь на Зильгинском городище, а также Нижне-Джулатском и Алхан-Калинском, говорят о наличии высокоразвитых ремесел – гончарного, производства металла, металлообработки. Широкий спектр контактов отражают, с одной стороны, находки античных импортов (светлоглиняные амфоры, краснолаковые и стеклянные сосуды), посуды Кавказской Албании, Иберии в культурном слое городищ и из погребальных комплексов, с другой стороны, вывоз в степь собственной керамической продукции, зафиксированной

в погребальных памятниках финала среднесарматской и позднесарматской культур от Нижнего Дона до Южного Приуралья.

Одной из причин расцвета аланской культуры на раннем этапе являлась благоприятная экологическая обстановка [Хохлова и др., 2009, с. 317], связанная с увеличением увлажненности территории, начиная с рубежа I/II вв. н.э., которая способствовала высокой урожайности зерновых и росту стада домашних животных, о чем свидетельствует большое количество зерновых ям на городищах, находки крупных тарных сосудов, находки зернотерок и жерновов ручных мельниц, обилие костей животных в культурном слое. Следствием этого стал резкий рост производительных сил и значительное увеличение количества и плотности населения, превышающего его численность в другие периоды древней и средневековой истории региона, а также появление городского типа центров с развитыми ремеслами.

Уровень экономического благосостояния населения отражается в обилии и разнообразии погребального инвентаря, превосходящего вещевые наборы в синхронных погребениях соседних территорий [Дзугцев, Малашев, 2015; Малашев и др., 2018] (а также раскопки А.У. Ахмарова и С.Х. Исаева 2025 г. кургана 15 могильника Алхан-Калинские курганы). В комплекс с городищами входят значительные по размерам некрополи, достигающие нескольких квадратных километров. Могильники курганно-грунтовые; в них доминируют подкурганные погребения, совершенные в катакомбах, используемых почти исключительно для однократных захоронений и окруженных ровиками кольцевой, а позднее квадратной формы. Некрополи содержат насыпи высотой более 5 м. В Бесланском (раскопки Ф.С. Дзугцева и Э.Г. Джанаева 2011 г.) и Алхан-калинском (раскопки А.У. Ахмарова и С.Х. Исаева 2025 г.) могильниках исследованы курганы высотой 3–5 м с захоронениями в катакомбах глубиной до 10 м от древнего горизонта, что, с учетом уровня престижности погребального инвентаря, свидетельствует о развитой социальной стратификации в данном обществе.

На раннем этапе аланской культуре раннего этапа выделяются две территориально обособленные группы памятников, различающиеся некоторыми признаками погребального обряда, керамического комплекса – памят-

ники Среднего Терека и памятники предгорно-равнинной части, – что можно рассматривать как два варианта культуры. Особенности погребального обряда (широтная ориентировка входных ям, отсутствие унификации в расположении перемычек у ровиков, нахождение внутри ровика двух или трех погребений, использование в ряде случаев катакомб для многоактных захоронений, наличие катакомб типа IV), отличные от памятников предгорно-равнинной части, и некоторые различия в наборе форм керамического комплекса позволяют говорить о локальном варианте аланской культуры раннего этапа Среднего Терека [Малашев и др., 2018, с. 198–199; 2020, с. 447–448]. С учетом единства культурной общности памятников обеих территорий фиксирующиеся различия носят устойчивый характер и говорят о намеренном обособлении и, как следствие, возможном самостоятельном статусе населения каждой из них.

Рост материальных ресурсов привел к резкому увеличению численности населения и его плотности, о чем свидетельствует количество археологических памятников II–IV вв. н.э. Это обстоятельство явилось причиной расселения носителей культуры как внутри региона, так и за его пределы (рис. 1). Роль носителей аланской культуры Среднего Терека была определяющей во внутрирегиональных миграциях, в то время как миграционный импульс населения предгорно-равнинной части был направлен за пределы региона. Экспансия носителей аланской культуры предгорно-равнинной части, начавшаяся в первой половине – середине III в. н.э., охватила значительную территорию. На западе северокавказского региона она достигла районов Прикубанья, что косвенно диагностируется исчезновением памятников меотской культуры. Со второй половины III в. н.э. на Нижнем Дону прекращается жизнь на городищах меотской культуры, фиксируется разрушение Танаиса, происходит массовое распространение подкурганых катакомб, связанных происхождением с аланской культурой и вытеснением погребальных сооружений позднесарматского культурного комплекса; в IV в. н.э. доминируют катакомбы. На территории степного Волго-Донья происходит формирование новой культурной группы на основе синтеза суб-

стратного позднесарматского культурного комплекса и культуры мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа, получившей название «Памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. н.э. (культура «алан-танаитов»)» [Малашев, Кривошеев, 2023; 2024].

В первой половине III в. н.э. носители аланской культуры Среднего Терека мигрируют в Терско-Сулакское междуречье, что отразилось в появлении на этой территории Т-образных катакомб (тип I) и формировании памятников типа Львовские – Паласа-сырт. С середины IV в. н.э. присутствие носителей аланской культуры фиксируется в Южном Дагестане (могильник Паласа-сырт и близкие ему памятники), где, судя по письменным источникам, локализуется «Страна маскутов» [Малашев и др., 2015, с. 84–88, 134–155; Малашев, 2016, с. 45–58].

Говоря о миграциях IV в. н.э., отмечу появление в начале данного столетия носителей аланской культуры в Кисловодской котловине [Коробов и др., 2014, с. 133], что маркируется подкурганными катакомбами с широтной ориентировкой входных ям из Левоподкумского 1 могильника и могильника Волчьих ворот [Коробов и др., 2014, рис. 4,2; Коробов, Малашев, 2015, рис. 1] и ассоциируется с погребальными традициями населения Среднего Терека. Кроме того, по формам керамического комплекса [Коробов и др., 2014, рис. 6,1,2,4,5], находящим ближайшие аналогии в керамике могильников Братские 1-е курганы и Октябрьский I, допустимо говорить о том, что культура мигрантов связана с локальным вариантом аланской культурой Среднего Терека. В конце IV в. н.э. завершается история культуры населения района Кисловодской котловины сарматского времени (памятники типа Подкумок-Хумара), и закладывается основа культуры раннесредневековых алан, оформление которой происходит в первой половине V в. н.э. [Малашев, 2008, с. 273–275; Малашев, 2021б, с. 136].

В качестве итогов, касающихся миграционных процессов носителей аланской культуры раннего этапа, отмечу два момента: 1) судя по анализу всех известных на сегодняшний день материалов из памятников Ставрополя, Нижнего Дона и Нижнего Поволжья, где распространены катакомбы с меридионально ориентированными входными ямами и

камерами у северной стенки, можно сделать заключение, что миграции в перечисленные районы происходили с территории предгорно-равнинной части; 2) для внутрирегиональных миграций (Терско-Сулакское междуречье, Кисловодская котловина) фиксируется более высокая военно-политическая активность носителей аланской культуры Среднего Терека, что маркируется катакомбами с широтноориентированными входными ямами и отдельными специфическими формами керамики.

Итак, для II–IV вв. н.э. мы имеем дело с яркой и мощной культурой. Высокий экономический потенциал нашел отражение в строительстве масштабных фортификационных сооружений в виде рвов и в оформлении трудоемких погребальных сооружений в виде подкурганных катакомб, окруженных ровиками, что требовало высокой организации общества (и, видимо, аппарата принуждения) в рамках каждого населенного пункта. Наличие большого количества крупных городищ, которые есть основания считать раннегородскими центрами (или особого типа городами) для региона, свидетельствует о развитых процессах урбанизации в данном обществе. Говоря о признаках данных поселенческих памятников, как отражающих городской тип их хозяйства, следует отметить следующие: большие размеры городищ, сложная структура, трудоемкая фортификация, плотность застройки, функция городищ как торгово-ремесленных центров, признаки социальной стратификации (наличие цитаделей на городищах и статусных захоронений в некрополях). К этому необходимо добавить еще одно наблюдение. При исследовании некрополей городищ аланской культуры раннего этапа фиксируется устойчивое сочетание конструктивных признаков катакомб в деталях, стандартизация форм и пропорций (см., например: [Малашев, 2024]), а также тщательность отделки стенок входных ям и камер, что выгодно отличает их от существенно более низкого качества исполнения аналогичных погребальных сооружений в культуре мигрантов на Нижнем Дону, Нижней Волге и Прикаспийском Дагестане (отсутствие стандартизации при общем типологическом сходстве, невнимание к деталям, небрежность в отделке). Это может свидетельствовать о существовании в каждом крупном

и сложно устроенном социуме отдельной группы населения, связанной с реализацией погребального обряда, а именно выполнявших функции профессиональных могильщиков при городском некрополе. Перечисленные признаки характеризуют городища аланской культуры раннего этапа как городской тип хозяйства и памятники городского типа. При этом не все признаки ранних городов реализуются в данном культурном контексте, но кардинальные отличия от памятников сельского типа позволяют ставить вопрос о земляных городищах раннего этапа аланской культуры как особом, самостоятельном типе древнего города, формировавшемся в условиях отсутствия непосредственного контакта с центрами крупных цивилизаций.

Высокая концентрация населения, наличие значительного количества памятников городского типа, широкий спектр (от торговых до военно-политических) и география контактов позволяет предполагать наличие определенной структуры и организации в обществе носителей аланской культуры на раннем этапе ее существования. Проблема образования ранних государств и отражение этих процессов в археологическом материале уже неоднократно рассматривались исследователями. Несколько отличающийся подход и дополнительные дефиниции были предложены Л.Е. Грининым [Гринин, 2007]. Данный вопрос, на основе положений Л.Е. Гринина, уже ранее был рассмотрен [Малашев, 2014]. Приведем основные его выводы. Согласно точке зрения автора данного подхода, факторами, способствовавшими сложению государств, являются: рост населения и его плотности; оседлость населения; появление излишка благ; увеличение размеров и сложности общества, которые ведут к интеграции, объединению, завоеваниям, развитию внешних контактов; рост сложности контактов; рост объема информации и знаний [Гринин, 2007, с. 63–64]. Этому способствуют, работают в том же направлении такие процессы как этногенез, повышение урожайности и производительности труда, позволяющие получать прибавочный продукт, демографические процессы, войны [Гринин, 2007, с. 132–140, 153–168]. От обществ догосударственной стадии раннегосударственные отличаются: 1) изменением производственной базы (увеличение про-

дуктивности сельского хозяйства способствует развитию ремесла и торговли); 2) увеличением территории и численности населения, а также существенным увеличением его плотности, ведущим к увеличению уровня сложности общества; 3) усложнением устройства общества и возникновением трех-четырехуровневой иерархической структуры поселений; 4) изменением традиций, связанных с регулированием социально-политической жизни и усилением возможности власти к принуждению; 5) делением общества на два или более слоя, заметной социальной стратификацией [Гринин, 2007, с. 123–125]. Практически все перечисленные аспекты реализуются в контексте памятников раннего этапа аланской культуры.

При этом раннее государство являлось не единственной формой политической организации усложнившихся обществ, составлявшей ему альтернативу. Для этих политий характерны те же функции, что и для раннего государства (см.: [Гринин, 2007, с. 169]). В подобных социумах, достигших определенного уровня сложности, государство появляется не всегда, а при определенных условиях. Л.Е. Гринин разделил догосударственные политии на стадильно догосударственные и аналоговые раннему государству и считал, что надо говорить о двух типах условий для появления государства из догосударственных политий: объективных и особых, конкретно-исторических [Гринин, 2007, с. 172–173]. Объективные условия – характеристики, которые уже дают потенциальную возможность догосударственным политиям трансформироваться в государство; без них ни при каких благоприятных обстоятельствах государство образоваться не может. Важно, что при одних и тех же объективных условиях (размере и численности населения, уровне социокультурной и политической сложности) в одних ситуациях возникает возможность трансформации в государство, в других нет. Одни аналоги развиваются в государство, другие – как вследствие своей природы, так и в случае, если политогенез был прерван извне – нет. Тогда аналоги выступают как исторически догосударственные, а не стадильно. То есть, стадильно аналоги раннего государства равны ранним государствам, но исторически оставались догосударственными, то есть не переросли в государство. Структурно-функционально ран-

ние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько некоторыми особенностями политического устройства, а исторически – имели сочетание особых благоприятных условий [Гринин, 2007, с. 174–176].

Исходя из концепции Л.Е. Гринина об аналогах ранних государств и их классификации, население, оставившее памятники аланской культуры раннего этапа (II–IV вв. н.э.) Северного Кавказа, может быть соотнесено с одним из следующих таксонов: 1) большие племенные союзы и конфедерации без королевской власти (например, раннесредневековые саксы, Галлия времен завоевания Цезарем, конфедерации различных по форме обществ, конфедерации городов) [Гринин, 2007, с. 182–186]; 2) политии с неопределенными признаками: это особый тип, их характер сложно описать, вследствие недостатка данных, но, учитывая размеры и структуру, а также уровень культуры, есть основания не считать их ни догосударственными образованиями, ни государствами (например, Хараппская / Индская цивилизация) [Гринин, 2007, с. 195–198].

Подводя итоги, с учетом культурных особенностей населения, оставившее памятники аланской культуры раннего этапа центральных и восточных районов Северного Кавказа, можно считать находившимся на стадильно государственной фазе развития общественно-политических отношений. При этом напрямую соотносить данное культурное образование с ранними государствами пока преждевременно. Более корректно их сопоставлять с аналогами ранних государств, в частности с одним из двух типов политий по Л.Е. Гринину. То есть на сегодняшний день можно предполагать, что это было культурное образование исторически догосударственным. Дальнейшая разработка проблемы требует, в первую очередь, исследований поселенческих памятников, степень изученности которых на сегодняшний день недостаточна.

В заключение необходимо коснуться еще одного вопроса. С конца IV – рубежа IV/V вв. н.э. на ситуацию в регионе воздействуют два фактора: события начала эпохи Великого переселения народов, которые отразились на судьбах многих народов и культур юга Восточной Европы, и ухудшение экологической ситуации, связанной с началом периода ариди-

зации [Хохлова и др., 2009, с. 317]. В конце IV – первой половине V в. н.э., судя по количеству погребальных комплексов и составу инвентаря, как на территории предгорно-равнинной части, так и на Среднем Тереке, жизнь на памятниках аланской культуры продолжалась без принципиальных изменений³. Начиная с середины V в. н.э. фиксируется отсутствие погребальных комплексов в большинстве исследованных могильников Среднего Терека. К этому же времени относится появление на Зильгинском городище захоронений из впускных в культурный слой катакомб [Чшиев, 2021, с. 16], что свидетельствует о существенном сокращении жилой площади памятника в это время и использовании остальной его части под могильник (показательно, что ни на наиболее отдаленных, ни на примыкающих к посадку Зильгинского городища участках Бесланского могильника погребения этого времени неизвестны [Korobov et al., 2021; Коробов, Малашев, 2023, с. 271–272]). Данный факт свидетельствует о периоде упадка в истории городища, связанном с какой-то кризисной ситуацией, возможно военно-политического характера; близкая ситуация фиксируется в некрополе Брутского городища [Габуев, Малашев, 2009, с. 10; Малашев, Кривошеев, 2024, с. 56–57]. В дальнейшем жизнь активизировалась, что характеризует наличие керамического материала из позднего слоя на большей части Зильгинского городища, но данный слой по мощности не сопоставим с более ранними напластованиями второй половины II–IV вв. н.э.

Следует также констатировать факт, что на территории восточных районов аланской культуры – от современных РСО-Алания до Чеченской Республики – количество погребальных комплексов второй половины V – середины VII в. н.э. резко уступает численности погребений второй половины II – первой V в. н.э.; с этим коррелируется ситуация на поселенческих памятниках.

Другим фактором послужили экологические изменения – начавшаяся около рубежа IV/V вв. н.э. аридизация с тенденцией дальнейшего усиления к концу VI в. н.э. [Хохлова и др., 2009, с. 317], которая могла стать второй причиной заметного уменьшения количества населения. Следствием этого явился постепенный от-

ток населения с равнин в предгорные и горные районы, что маркируется распространением там катакомбных могильников, начиная с позднего VI в. н.э.; основное количество захоронений относится ко времени не ранее VII в. н.э.

Таким образом, можно констатировать исчезновение памятников городского типа на большей части ареала начиная с середины V в. н.э. Однако это обстоятельство не говорит о системном упадке аланской культуры. В частности, с V в. н.э. носители аланской культуры начинают более интенсивное освоение предгорных районов, что фиксируется в широком распространении их памятников в Кисловодской котловине. Полностью оценить ситуацию пока сложно, вследствие слабой изученности отдельных территорий. Тем не менее, опираясь на известную информацию, можно сказать, что в ряде районов предгорий (например, на территории современной Кабардино-Балкарской Республики) жизнь продолжалась без существенных изменений [Атабиев, 2008]. Следующий период, связанный с формированием городского типа памятников в контексте аланской культуры, датируется от хазарского времени и позднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Археологическое наследие: современные подходы к сохранению, изучению и интерпретации» (№ НИОКТР 126011315528-9).

The article was prepared as part of the research topic of the IA RAS “Archaeological Heritage: Modern Approaches to Preservation, Study and Interpretation” (No. NIOKTR 126011315528-9).

² Возможно, первоначально он был обнесен неглубоким, в настоящее время запаханным, рвом, что могут подтвердить или опровергнуть целевые археологические исследования. Нахождение на его периферии курганов имеет соответствия на участке примыкания Бесланского могильника к неукрепленному посадку Зильгинского городища [Коробов и др., 2021, с. 169].

³ Отличия от предыдущего времени касаются определенных изменений в составе погребальных комплексов: заметно увеличивается количество предметов из драгоценных металлов (украшения, воинская экипировка, предметы вооружения) и существенно уменьшается роль керамической посуды, вплоть до полного ее отсутствия в наборах инвентаря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

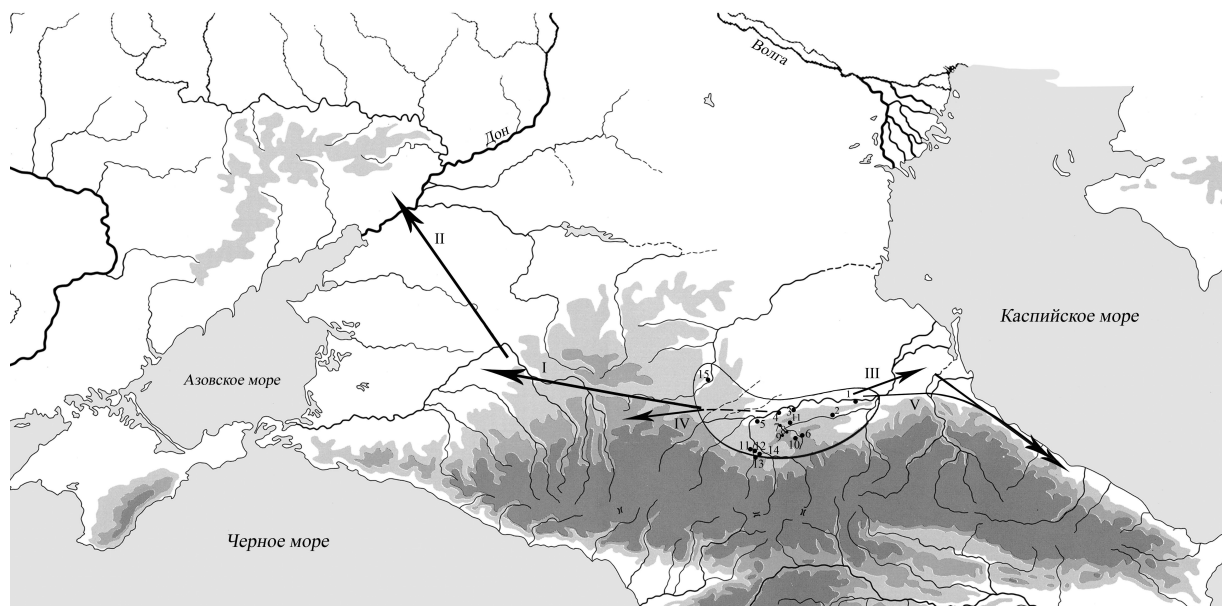

Рис. 1. «Метрополия» аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа (II–IV вв. н.э.) и миграции ее носителей:

1 – Акхин-Барзойское городище и его некрополь; 2 – Алхан-Калинское городище и его некрополь (Алхан-Калинские курганы); 3 – Братское 1-е городище и его некрополь (Братские 1-е курганы и Октябрьский I); 4 – Киевское городище и его некрополь (Киевский I); 5 – Нижнедзулатское городище и его некрополь; 6 – городище «Ачим-Боарз» и его некрополь (Экажевские 1-е курганы / Экажево I); 7 – Раздзогское городище; 8 – Заманкульское городище; 9 – Брутское городище и его некрополь (могильники Брут 1 и Брут 2); 10 – Зильгинское городище и его некрополь (Бесланский могильник); 11 – Урваньское городище; 12 – Аргуданское городище; 13 – Старолескенское городище; 14 – Змейское городище и его некрополь; 15 – городище «Энергетик». I–V – миграции: I – в Прикубанье (первая половина III в. н.э.); II – на Нижний Дон (середина III в. н.э.); III – в Терско-Сулакское междуречье (первая половина – середина III в. н.э.); IV – в Кисловодскую котловину (начало IV в. н.э.); V – в Южный Дагестан с населением Терско-Сулакского междуречья (первая половина – середина IV в. н.э.) (по: [Малашев, 2014])

Fig. 1. The “Metropolis” of the early Alanic culture of the North Caucasus (2nd – 4th century AD) and the migration of its carriers:

1 – Akhin-Barzoi hillfort and its necropolis; 2 – Alkhan-Kalinskoye hillfort and its necropolis (Alkhan-Kalinskoye mounds); 3 – Bratskoye 1st hillfort and its necropolis (Bratskoye 1st mounds and Oktyabrsky I); 4 – Kievskoye hillfort and its necropolis (Kievsky I); 5 – Nizhnedzhulatskoye hillfort and its necropolis; 6 – Achim-Boarz hillfort and its necropolis (Ekazhevsky 1st mounds/Ekazhevo I); 7 – Razdzogskoye hillfort; 8 – Zamankulskoye hillfort; 9 – Brutskoye hillfort and its necropolis (Brut 1 and Brut 2 burial grounds); 10 – Zilginsky hillfort and its necropolis (Beslan burial ground); 11 – Urvanskoye hillfort; 12 – Argudanskoye hillfort; 13 – Staroleskenskoye hillfort; 14 – Zmeyskoye hillfort and its necropolis; 15 – Energetik hillfort. I–V – migrations: I – to the Kuban region (first half of the 3rd century AD); II – to the Lower Don region (mid-3rd century AD); III – to the Terek-Sulak interfluvium (first half – mid-3rd century AD); IV – to the Kislovodsk basin (early 4th century AD); V – to Southern Dagestan with the population of the Terek-Sulak interfluvium region (first half – mid-4th century AD) (after: [Malashev, 2014])

Рис. 2. Ортофотоснимок 2020 г. Зильгинского городища (по: [Коробов, 2020; 2022])

Fig. 2. Orthophoto of the Zilginsky hillfort from 2020 (after: [Korobov, 2020; 2022])

Рис. 3. Космоснимок Брутского городища с примыкающим к нему с севера и востока участком основного некрополя (могильника Брут 2) (Яндекс Карты)

Fig. 3. Satellite image of the Brutskoye hillfort with the adjacent section of the main necropolis (the Brut 2 burial ground) to the north and east (Yandex Maps)

Рис. 4. Космоснимок Алхан-Калинского городища с примыкающим к нему с востока, севера и запада участком некрополя (Алхан-Калинские курганы) (Яндекс Карты)

Fig. 4. Satellite image of the Alkhan-Kalinskoye hillfort with the adjacent section of the necropolis to the east, north, and west (Alkhan-Kalinskoye mounds) (Yandex Maps)

Рис. 5. Алхан-Калинское городище. ССВ часть рва 3. Вид с ЗСЗ (фото автора, 2013 г.)

Fig. 5. Alkhan-Kalinskoye hillfort. SSW part of the moat 3. View from the WSW (photo by the author, 2013)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржанцева И. А., Деопик Д. В., 1989. Зилги – городище начала 1-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки всесоюзной ассоциации востоковедов. М. : Наука. С. 75–107.
- Атабиев Б. Х., 2008. Зарагигский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М. : Памятники исторической мысли. Вып. VIII. С. 610–611.
- Воронин К. В., Малашев В. Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М. : ИА РАН. 152 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гринин Л. Е., 2007. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М. : КомКнига. 272 с.
- Деопик Д. В., 1988. Керамика Центрального Предкавказья I–IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II. М. : Наука. С. 171–220.
- Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю., 2014. Бесланский могильник – опорный памятник аланской культуры Северного Кавказа II–V вв. н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань : Отечество. С. 101–103.
- Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю., 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ : Проект-Пресс. 112 с.
- Коробов Д. С., 2020. Отчет об археологической разведке на Зильгинском городище в Правобережном районе РСО – Алания в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 72995.
- Коробов Д. С., 2022. Зильгинское городище и Бесланский могильник – новые данные полевых обследований // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации : материалы Междунар. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана (18–23 апр. 2022 г.). Майкоп : Качество. С. 250–253.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2015. Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 241. С. 214–229.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 232. С. 120–135.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2020. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н.э. в Северной Осетии // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 260. С. 441–458.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2021. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М. : ИА РАН. С. 151–171.
- Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М. : Памятники ист. мысли. С. 487–501.
- Малашев В. Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М. : ИА РАН. С. 265–283.
- Малашев В. Ю., 2014. Аланская культура Северного Кавказа : проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н.э. // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 234. С. 72–83.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2021а. Могильник «Экажевские I-е курганы» – некрополь воинской элиты городища «Ачим-Боарз» // Магас: древний и современный : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Магас : ИнгНИИ. С. 34–38.
- Малашев В. Ю., 2021б. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М. : ИА РАН. С. 125–142.

- Малашев В. Ю., 2024. Анализ и эволюция конструкции катакомб аланской культуры на Среднем Тереке III – первой половины / середины V в. н.э. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 20, № 3. С. 634–650. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203634-650>
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы IX Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2024. К атрибуции некоторых групп катакомбных памятников Юга Восточной Европы второй половины III – начала V века // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 52–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>
- Малашев В. Ю., Мамаев Х. М., 2011. Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный : ИГИ ; М. : Ин-т археологии РАН. С. 237–279.
- Малашев В. Ю., Мамаев Х. М., 2014. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (25). С. 65–72.
- Малашев В. Ю., Бакушев М. А., Фидаров Р. Ф., Караев Б. З., Леонтьева А. С., 2022. Змейский раннеаланский могильник // Российская археология. № 1. С. 74–92.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала : Мавраевъ. 452 с.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кривошеев М. В., 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14, № 4. С. 195–206.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16, № 2. С. 439–460.
- Успенский П. С., Ахмаров А. У., Успенская О. И., Олейников С. В., 2024. Ахкин-Барзойское городище раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века : материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящ. 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (г. Москва, 22–26 апр. 2024 г.). М. : ИА РАН. С. 234–237.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А., 2009. Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия – Алания // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев. М. : Таус. С. 309–323.
- Чшиев В. Т., 2021. Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого шелкового пути // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 18, № 1. С. 12–18.
- Arzhantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Yu., 2000. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary Between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden ; Boston ; Köln : Brill. P. 211–250.
- Korobov D. S., Malashev V. Yu., Fassbinder J. W. E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Alanic Barrow Cemeteries in the Northern Caucasus (Russia) // ArcheoSciences. Vol. 45 (1). P. 87–90. DOI: <https://doi.org/10.4000/archeosciences.8748>

REFERENCES

- Arzantseva I. A., Deopik D. V., 1989. Zilgi – gorodishche nachala 1-go tysyacheletiya n.e. na styke stepi i predgoriy v Severnoy Osetii [Zilgi – a Settlement of the Beginning of the 1st Millennium AD at the Junction of the Steppe and the Foothills in North Ossetia]. *Uchenye zapiski vsesoyuznoy assotsiatsii vostokovedov* [Scientific Notes of the All-Union Association of Orientalists]. Moscow, Nauka Publ., pp. 75–107.
- Atabiev B. Kh., 2008. Zaragizhskiy i Kashkhatauskiy katakombnye mogilniki. Nekotorye itogi issledovaniy [Zaragizhsky and Kashkhatau Katakomb Burial Mounds. Some Results of Research]. *Materialy po izucheniyu*

- istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Krupnovskie chteniya 1971–2006 gg.* [Materials on the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus], iss. VIII. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 610–611.
- Voronin K.V., Malashev V.Yu., 2006. *Pogrebalnye pamyatniki epohi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya* [Burial Monuments of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Lowland Zone of the Republic of Ingushetia]. Moscow, IA RAS. 152 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of Early Alans of Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Grinin L.E., 2007. *Gosudarstvo i istoricheskiy protsess. Epoha formirovaniya gosudarstva* [The State and the Historical Process. The Era of State Formation]. Moscow, KomKniga Publ. 272 p.
- Deopik D.V., 1988. *Keramika Tsentralnogo Predkavkazya I–IV vv. n.e. po materialam gorodishcha Zilgi (Severnaya Osetiya)* [Ceramics of the Central Ciscaucasia in the 1st – 4th Centuries AD: Based on the Materials of the Zilgi Settlement (North Ossetia)]. *Materialnaya kultura Vostoka* [Material Culture of the East], pt. II. Moscow, Nauka Publ., pp. 171–220.
- Dzutsev F.S., Malashev V.Yu., 2014. *Beslanskiy mogilnik – opornyy pamyatnik alanskoy kultury Severnogo Kavkaza II–V vv. n.e.* [Beslan Burial Ground – a Reference Monument of the Alan Culture of the North Caucasus of the 2nd – 5th Centuries AD]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. II. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 101–103.
- Dzutsev F.S., Malashev V.Yu., 2015. *Beslanskiy arheologicheskiy kompleks rannealanskoy epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988–2014 gg.)* [Beslan Archaeological Complex of the Early Alanian Epoch (Some Results of Research 1988–2014)]. Vladikavkaz, Proect-Press Publ. 112 p.
- Korobov D.S., 2020. *Otchet ob arheologicheskoy razvedke na Zilginskom gorodishche v Pravoberezhnom rayone RSO – Alaniya v 2020 g.* [Report on Archaeological Reconnaissance at the Zilga Settlement in the Right-Bank District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2020]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 72995.
- Korobov D.S., 2022. *Zilginskoe gorodishche i Beslanskiy mogilnik – novye dannye polevykh obsledovaniy* [Zilga Settlement and Beslan Burial Ground – New Data from Field Surveys]. *Drevnie i srednevekovye kultury Kavkaza: otkrytiya, gipotezy, interpretatsii: materialy Mezhdunar. konf. po arheologii Severnogo Kavkaza, posvyashch. 125-letiyu raskopok Maykopskogo kurgana (18–23 apr. 2022 g.)* [Ancient and Medieval Cultures of the Caucasus : Discoveries, Hypotheses, Interpretations. Materials of the International Conference on the Archaeology of the North Caucasus, Dedicated to the 125th Anniversary of the Excavation of the Maikop Mound, April 18–23, 2022]. Maikop, Kachestvo Publ., pp. 250–253.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2015. *Novye komplekсы alanskoy kultury epohi Velikogo pereseleniya narodov iz okrestnostey Kislovodsk* [New Assemblages of the Alan Culture from the Migration Period near Kislovodsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], iss. 241, pp. 214–229.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. *Novye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika* [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2014. *Predvaritel'nye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Levopodkumskiy 1 bliz Kislovodsk* [Preliminary Results from Excavations of the Levopodkumsky Kurgan Cemetery near Kislovodsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], vol. 232, pp. 120–135.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2020. *Kompleksnoe issledovanie rannealanskikh zakhoroneniy IV v. n.e. v Severnoy Osetii* [The Comprehensive Study of the Early Alan Burials of the Fourth Century in North Ossetia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], vol. 260, pp. 441–458.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J., 2021. *Raboty na Zil'ginskom gorodishche i Beslanskom mogil'nike: novye metody obsledovaniya* [Investigation of the Zilginskoye Hillfort and the Beslan Burial Ground: New Survey Methods.]. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoy* [The Age of the Horsemen in the North Caucasus: To the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya], Moscow, IA RAS, pp. 151–171.
- Malashev V.Yu., 2007. *Kulturnaya situatsiya v tsentralnykh rayonakh Severnogo Kavkaza vo II–IV vv. n.e.* [The Cultural Situation in the Central Regions of the North Caucasus in the 2nd – 4th C. AD]. *Tri chetverti veka*.

- D.V. Deopiku – druzia i ucheniki* [D.V. Deopik's Three Quarters of a Century – Friends and Followers]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., pp. 487-501.
- Malashev V.Yu., 2008. Hronologiya pogrebalnykh kompleksov mogilnika Klin-Yar III sarmatskogo vremeni [Chronology of the Burial Complexes of the Klin-Yar III Grave-Field of the Sarmatian Period]. *Problemy sovremennoy arheologii* [Problems of Modern Archaeology]. Moscow, IAS RAS, pp. 265-283.
- Malashev V. Yu., 2014. Alanskaya kultura Severnogo Kavkaza : problema ranney gosudarstvennosti u naseleniya regiona vo II–IV vv. n.e. [The Alanian Culture of the North Caucasus: The Problem of Early Statehood among the Population of the Region in the 2nd – 4th Centuries AD]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 234, pp. 72-83.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [North Caucasus Steppes and their Traditions of the Burial Mounds of the North-East Caucasus of the Second Half of the 2nd – the middle of the 5th Century AD]. Moscow, IAS RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2021a. Mogilnik «Ekazhevskie 1-e kurgany» - nekropol voinskoy elity gorodishcha «Achim-Boarz» [The Ekazhevsky 1st Mounds Burial Ground is a Necropolis of the Military Elite of the Achim-Boarz Settlement]. *Magas: drevniy i sovremennyy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Magas: Ancient and Modern. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Magas, Ingush Scientific Research Institute, pp. 34-38.
- Malashev V.Yu., 2021b. Pamyatniki tipa «Podkumok-Humara» [Archaeological Sites the “Podkumok-Humara” Type]. *Epoha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoy* [The Age of the Horsemen in the North Caucasus: To the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]. Moscow, IAS RAS, pp. 125-142.
- Malashev V.Yu., 2024. Analiz i evolyutsiya konstruktivnykh katakomb alanskoy kultury na Srednem Tereke III – pervoy poloviny/serediny V v. n.e. [Analysis and Evolution of the Catacomb Structure of the Alanian Culture on the Middle Terek from the 3rd to the Mid-5th Century AD]. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 20, no. 3. pp. 634-650. DOI : <https://doi.org/10.32653/CH203634-650>
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2023. Katakombnye pamyatniki stepnogo Volgo-Don'ya i Predkavkaz'ya serediny III – IV v. [Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the III – IV Centuries]. *Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy IX Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina (g. Volgograd 15–19 maya 2023 g.)* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Materials of the XI All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin (May 15–19, 2023, Volgograd)]. Volgograd, VolSU, pp. 265-281.
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2024. K atributsii nekotorykh grupp katakombnykh pamyatnikov Yuga Vostochnoy Evropy vtoroy poloviny III – nachala V veka [Revisiting the Issue of Attribution of Some Catacomb Monuments Groups from the South of Eastern Europe in the Late 3rd – Early 5th Centuries]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 52-78. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>
- Malashev V.Yu., Mamaev Kh.M., 2011. Alhan-Kalinskiy mogilnik (materialy raskopok 1937–1938 gg.) [Alkhan-Kalinsky Burial Ground (Excavation Materials from 1937–1938)]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Kavkaza* [Issues of Ancient and Medieval Archaeology of the Caucasus]. Grozny, Institute of History; Moscow, IAS RAS, pp. 237-279.
- Malashev V.Yu., Mamaev Kh.M., 2014. Raskopki Alhan-Kalinskogo gorodishcha v 2014 godu [Excavations of the Alkhan-Kalinsky Settlement in 2014]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], no. 4 (25), pp. 65-72.
- Malashev V.Yu., Bakushev M.A., Fidarov R.F., Karaev B.Z., Leontieva A.S., 2022. Zmeyskiy rannealanskiy mogilnik [The Early Alanian Cemetery of Zmeyskaya]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 74-92.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S., 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The Country of the Maskuts in the Western Caspian Region. Kurgan Cemeteries of Caspian Dagestan of the 3rd – 5th Centuries AD]. Makhachkala, Mavraev Publ. 452 p.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Krivosheev M.V., 2018. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nika «Bratskie 1-e kurgany» na territorii Chechenskoy Respubliki v 2018 g. [Rescue

- Studies of the Bratskie 1st Kurgan Burial Ground on the Territory of the Chechen Republic in 2018]. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 14, no. 4, pp. 195-206.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Kadzaeva Z.P., 2020. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nikov rannego etapa alanskoy kul'tury na Srednem Tereke Oktyabr'skiy I i Kievskiy I v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. [Rescue Research of the Burial Grounds of the Early Stage of Alanian Culture on the Middle Terek, Oktyabrsky I and Kievskiy I in Mozdok District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2019]. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 16, no. 2, pp. 439-460.
- Uspensky P.S., Akhmarov A.U., Uspenskaya O.I., Oleynikov S.V., 2024. Ahkin-Barzoyskoe gorodishche rannego etapa alanskoy kultury na Srednem Tereke [Akhkin-Barzoy Gorodishche of the Early Stage of the Alanian Culture in the Middle Terek]. *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arheologii Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka: materialy Mezhdunar. nauch. konf. po arheologii Severnogo Kavkaza «XXXIII Krupnovskie chteniya», posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Ignatievicha Krupnova (g.Moskva, 22–26 apr. 2024 g.)* [Achievements and Prospects of Studying the Archaeology of the North Caucasus in the 20th and First Quarter of the 21st Century. Materials of the International Scientific Conference on the Archaeology of the North Caucasus “XXXIII Krupnov Readings”, Dedicated to the 120th Anniversary of the Birth of Evgeny Ignatievich Krupnov. Moscow, April 22–26, 2024]. Moscow, IA RAS, pp. 234-237.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Gol'eva A.A., 2009. Prilozhenie 1. Paleopochvennoe i mikrobiomorfnoe izuchenie kurgannogo mogil'nika Brut 2 v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [Appendix 1. Paleosoil and Microbiomorphologic Study of the Kurgan Cemetery Brut 2 in the Republic of North Ossetia – Alania]. T.A. Gabuev, V.Yu. Malashev. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Monuments of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS Publ., pp. 309-323.
- Chshiyev V.T., 2021. Zilginskoe rannealanskoe gorodishche: drevniy megapolis na trasse Velikogo shelkovogo puti [Zilga Early Alan Settlement: Ancient Megapolis on the Great Silk Road]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre], vol. 18, iss. 1, pp. 12-18.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Yu., 2000. Zilgi: An Early Alan Proto-City of the First Millenium AD on the Boundary Between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*. Leiden, Boston, Köln, Brill, pp. 211-250.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J.W.E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Alanic Barrow Cemeteries in the Northern Caucasus (Russia). *ArcheoSciences*, vol. 45 (1), pp. 87-90. DOI: <https://doi.org/10.4000/archeosciences.8748>

Information About the Author

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторе

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>